

И во взгляде, да и во всей манере поведения Александра Ширвиндта — безусловная доброта и уважение к собеседнику, они-то и не позволяют отождествлять актера с типом героя, которого он создал на сцене и на экране.

— Да, для меня чрезвычайно интересен, например, такой типаж: эдакий современный маленький начинающий, но большой бюрократ, ощущающий себя выше людей, — тихий голос, задумчивый взгляд, псевдозначительность... После выхода в нашем Театре сатиры «Женитьбы Фигаро» один критик даже заметил, что в графе Альмавива я играю современного бюрократа. Думаю, сравнение довольно бестолковое, но напоминать о таких людях, безусловно, необходимо.

В той же сфере обслуживания, к примеру, слишком многие «играют» в начальников. Если он зам. зав. чего-то там никому не понятного и не известного, то он уже пыжится невероятно. Даже «алло» по телефону отвечает важным тоном. А мне кажется, чем больше в человеке апломба, тем меньше в нем истинной значимости.

— Таких людей каждый из нас, наверное, встречал, и каждому из нас они, конечно, портят настроение. Но для меня до сих пор остается тайной: как с ними общаться, как, по выражению одного моего знакомого, ставить их на место?

— Знаете, чего боятся бюрократы? Юмора, иронии. Они к этому не готовы. Совершенно не знают, что делать, теряются. Когда на них кричат — они знают: надо орать в ответ. Когда перед ними заискивают — тоже знают, что делать. А вот когда над ними смеются и иронизируют... Тогда начинается паника.

Я вообще любовно отношусь к иронии. Ее иногда путают с цинизмом — неверно. Если у человека есть самоирония, правомочна и ирония вообще. И еще: сегодня ирония стала чуть ли не нормой в общении. Неироничный человек начинает чувствовать себя несвоевременным.

Актеру, на мой взгляд, чувство юмора просто необходимо. Для разных целей. Скажем, если участвуешь в среднем спектакле, то, чтобы хоть как-то взбодрить себя, приходится шутить. Помню, уже весьма давно мы с Михаилом Державиным участвовали в одном, довольно спор-

ном спектакле о Лермонтове. Державин играл Печорина в «Тамани». Было скучно и играть спектакль, и его смотреть, мы разнообразили свое существование, как могли. По сюжету Державин — Печорин проходил на сцену и говорил: «Я вошел в хату...» «Я вошел в театр», — шепотом вторил ему я из-за кулис. «На стене ни одного образа», — пытаюсь не улыбаться, декламировал Державин. «На сцене ни одного обра-

жизни серьезно и совершают поступки только потому, что так велит их совесть, их взгляд на мир.

Двадцать пять лет назад, еще работая в Театре имени Ленинского комсомола, по линии ЦК ВЛКСМ впервые я был в Казахстане, на целине. И вот совсем недавно, снова вместе с комсомольцами, я участвовал в Днях «Комсомольской правды» на ЭТЭКе, и снова увидел такие же дряхлые, умные лица молодых

артистов уже более четверти века, изменились ли студенты за это время?

— Всегда есть ощущение, что при нас было лучше. Опасное ощущение... Лучше — не лучше, но то, что иначе было, — это точно. Студенты стали практичнее, чтоб не сказать — циничнее, взаимоотношения внутри вуза стали демократичнее, что иногда доходит до хамства. Причем распространяется это не только на студентов, но и на пре-

и даже на радио ставили спектакли. А не страшно так «распылять себя»?

— Это интересное выражение — «распылять себя». Есть еще одно, но менее замечательное: «часто мелькать». Часто мелькаешь — плохо, редко — тоже плохо, потому что все про тебя забыли. Что значит — актер часто мелькает? Это значит: он много работает. Вы слышали когда-нибудь, чтобы рабочего, ученого, спортсмена, журналиста ругали за то, что они много работают? Я не слышал...

А, кроме того, всякая полноценная работа приносит новые открытия: разве не интересно попробовать на радио сделать спектакль при отсутствии изобразительных средств? Сейчас все спорят о телевидении, договорились пока только до того, что это совершенно самостоятельное искусство. Мне кажется, что телевидение, в силу своей домашности, интимности даже, должно быть собеседником — в этом его отличие от прочих жанров.

Есть у меня мечта — собрать свои размышления о профессии. Правда, пугает обилие литературы подобного плана: «Сам о себе», «Я о себе», «Они обо мне», режиссер — «Я о них»... Так писать не хочется, хочется попробовать по-своему. Может быть, должно быть больше иронии, юмора?..

— Последний вопрос — традиционный в наших «Встречах». Ваше пожелание нашим читателям?

— Не стареть. Как только внутри начинает работать счетчик времени: все быстро, ничего не успеваешь, время уходит неизвестно куда — человек сразу начинает мельтешить, горопитаться, что-то ухватить, чего-то добиться, куда-то продвинуться... В итоге ничего не получается. В выигрыше всегда, как я говорю, «упертые люди». Упертые в свое дело, свою работу. Они не мечутся, не суетятся, остаются самими собой, не извиваются вместе с модой.

А что касается обязательного: «Желаю молодым людям быть такими-то и такими-то...», то никакого более положительного качества, чем доброта, я не знаю.

Вел беседу
А. МАКСИМОВ.

Фото А. БОРИСОВА.

Александр Ширвиндт: УЛЫБАЙТЕСЬ ЧАЩЕ

за», — продолжал вторить я. Державину приходилось делать над собой усилия, чтобы вместо своего текста не произнести мой...

— Александр Анатольевич, согласитесь, ирония подчас и мешает. Вот, например, что рассказывает в письме в редакцию Наташа С. из Молдавии: «В книжках пишут, что раньше мужчины относились к женщине благородно. Рыцари даже намеком не могли оскорбить женщину. А теперь? Кажется, что все вокруг соревнуется в остроумии. Ради красного словца оскорбить девушку? Это нормально. Какая может быть любовь, если люди стесняются друг другу серьезное слово сказать?» Что Вы думаете по этому поводу?

— По этому поводу я думаю: эмансипация дошла до такой степени абсурда, что мужчины в своих выводах и в своем поведении подчас удивительно женственны, а женщины мужественны и решительны. Из отношений мужчины и женщины таинство исчезло, оно заменилось ироническим отношением ко всему. Но ведь ирония не виновата, что ее используют глупые или злые люди, — она от этого хуже не становится.

А Наташе я могу ответить, что и на целине, и в армии, где я бывал с театром, и сейчас я встречаю немало людей, которые могут себя противопоставить бешеному потоку суеты, которые относятся к

строителей, как и много лет назад.

— Может быть, и актером Вы стали потому, что так серьезно и любовно относились к юмору и иронии?

— Может быть. В таком случае меня радуют те толпы абитуриентов, которые ежегодно во время вступительных экзаменов останавливают движение около театральных вузов, — машины просто не могут проехать.

Но если говорить всерьез и без иронии о профессии актера, то меня огорчает некоторая легкость в оценке этого нелегкого труда.

Я давно преподаю мастерство актера в театральной училище имени Щукина, которое сам когда-то окончил, и за это время убедился: нет у нас умной пропаганды профессии актера, театральные институты не проводят дни открытых дверей, во время которых человек мог бы действительно понять, что это за профессия такая — актер.

Откуда черпают сведения об актерском деле? С экрана телевизора. Смотрит девочка-бенефис Людмилы Гурченко. Повернулась — в одном платье, в вот уже — в другом, блестя с одной стороны, перья — с другой... И решено: я тоже так хочу, буду актрисой. А го, что Гурченко работала с переломанной ногой, го, что она приходила на съемки утром — уходила поздно вечером, этого никто не знает...

— Вы обучаете молодых



подавателей. Раньше мастер не мог опоздать на занятия, к репетициям и спектаклям готовились тщательно, постоянно опасаясь: вдруг не получится, вдруг не выйдет. Теперь больше прагматизма, больше самоуверенности.

Но в нашем деле — как, наверное, и в любом — в итоге побеждают те, в ком нет школярства, для кого главная цель — научиться. А то ведь есть студенты, для которых самое необходимое — диплом, а что поймут они в своей профессии — не так уж и важно. Я помню, как училась Наталья Гундарева, как она самоотверженно работала. К окончанию института это была уже настоящая актриса. То же самое можно сказать и об Андрее Миронове — это актер какой-то нечеловеческой работоспособности. В конце концов любовь к своему делу, жажда добиться стоящего результата все определяет. Без этого в любом деле трудно добиться чего-то серьезного.

— Вы не можете пожаловаться на отсутствие творческой жажды: Вы и актер, и режиссер, и на эстраде много работаете, и на телевидении,

Встреча с Александром Ширвиндтом

3 ИЮН 1983